

ЧУДО-БОГАТЫРИ — ВСЯКІЙ РУССКІЙ ПОЛКЪ И ЧАСТЬ.

Диримѣрь дивизіи Невѣровскаго доказаль, что чудеса богатства присущи «русскимъ» вообще, а не старымъ полкамъ только.

Не буду извиняться, что еще разъ возобновляю тему о «мармонизмѣ», съ которой я связываю и дѣленіе на «удѣлы», такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ великое значеніе по тѣмъ страшнымъ послѣдствіямъ для единства, цѣльности арміи и высоты уровня ея нравственнаго элемента. Факты съ очевидностью показываютъ опасность для единства, цѣльности и высоты нравственнаго уровня арміи отъ мармоническаго, да еще у насъ исковерканнаго «удѣльнаго» направленія; съ очевидностью показываютъ они и то, что изъ за цѣлой цѣпи *компромиссовъ чувства съ разумомъ* эта опасность не замѣчается; напротивъ, многимъ кажется, что нормальнѣе ничего быть не можетъ. Самыя возраженія моихъ оппонентовъ основаны только на чувствахъ, на внѣшней красотѣ, на взглядахъ небольшой части офицерскаго состава (о нижнихъ чинахъ умалчиваютъ, потому что тогда сразу обнаружилась бы вся искусственность, пустота и ненормальность даннаго направленія), но вовсе не на пользѣ военному дѣлу.

Этотъ вопросъ затронуть мною уже нѣсколько дѣтъ тому назадъ, но подъ инымъ заглавіемъ. Наблюденія же и анализъ соб-

ственныхъ чувствъ къ своей части, и вольныхъ и невольныхъ при этомъ компромисовъ — начались съ кадетскаго корпуса и привели къ выводу, что въ данномъ случаѣ именно самое лучшее выполне- ніе идеи — «нашъ полкъ лучшій изъ всѣхъ» — прямо, такъ сказать, противорѣчить *солидарности* тактическихъ и организаціонныхъ частей арміи. И дѣйствительно, вся наша и мирная и боевая жизнь показываетъ, что эта солидарность отсутствуетъ еще со временъ прошлаго вѣка. Солидарность же въ арміи, какъ учитъ военная психологія, есть главное условіе, главный залогъ успѣха въ военномъ дѣлѣ.

Уже нѣсколько сторонниковъ мармонизма ссылаются на стихотвореніе Августѣйшаго поэта К. Р. — «Нашъ полкъ», какъ на доказательство «пользы» чувствъ къ полку, для военнаго дѣла, для всей арміи.

Увѣренъ, что и безъ напомниманія читатели почувствовали въ ссылкѣ на авторитетъ поэтической красоты даннаго стихотворенія какую-то неловкость. Эта неловкость объясняется легко: поэзіи нѣтъ никакого дѣла до научныхъ, психологическихъ и прочихъ истинъ и выводовъ; поэзія воспѣваетъ и изображаетъ только чувство, иногда мимолетное впечатлѣніе, не заботясь о томъ, насколько эти чувства, впечатлѣнія или самый предметъ, вызвавшій эти чувства, впечатлѣнія, достойны культа поклоненія, и какъ онѣ могутъ повліять на то или другое дѣло съ *практической точки зрѣнія*.

Много, до безконечности много доставляютъ намъ высшаго эстетическаго удовольствія чудныя поэтическія или художественныя произведенія, воспѣваюція или описываюція часто совѣмъ противоположныя чувства, впечатлѣнія, поступки дѣла и т. д., но до сихъ поръ никому и въ голову не пришло доказывать чувствомъ при видѣ или воспоминаніи о предметѣ, практическое значеніе этого предмета для дѣла и жизни. Нельзя доказывать потому, что всегда найдутся люди, чувствующие иное по этому самому поводу и могущіе воспѣть свое чувство, которое окажется противоположнымъ первому.

Всѣмъ напримѣръ извѣстно стихотвореніе Пушкина — Жизнь:

„Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь обречена?..“

И отвѣтное стихотвореніе, кажется, архіепископа Теофана, прямо противоположное по чувству и настроенію:

«... Не напрасный, не случайный:
Жизнь для жизни намъ дана“...

Воспѣваютъ вѣдъ всякія противоположности и Гретьенъ, и Луизу, и лѣто, и весну, и зиму, и осень, и юность, и старость... И я въ данномъ случаѣ, если бы былъ поэтъ и могъ бы такъ красиво и звучно облечь свое чувство въ стихотворную форму, я вразилъ бы скорбь по поводу того, что въ то время, когда каждый гражданинъ вообще любитъ и съ удовольствіемъ смотритъ на *свои* войска, причемъ подъ словомъ «свой», «нашъ» разумѣютъ *всѣ* части,—сами военные у насъ въ Россіи слово «нашъ» относятъ только къ тому полку, гдѣ они служатъ, и позволяютъ себѣ слова незнакомыя даже для не военныхъ, какъ напримѣръ, «какая-то гарнизана»...

Какъ будто такое презрительное отношеніе не дѣйствуетъ на духъ гарнизана!

Подъ словомъ нашъ полкъ можно и надобно понимать не только еденственный тотъ, въ которомъ служатъ, а вообще и прежде всего—*нашъ русскій*. Я въ прежнихъ своихъ статьяхъ дѣлалъ удареніе на этомъ и теперь склоненъ доказывать, что стихотвореніе «Нашъ полкъ», разъ пошло дѣло на доказательства поэтическими чувствами, выражаетъ чувства къ нашему русскому полку вообще (объективно), а не къ единственному (субъективно).

Если дѣло пошло на доказательства чувствами, то необходимо разобрать въ нихъ и отдѣлить то, что возникаетъ естественно, не требуетъ подогрѣванія и является побудителемъ къ высокимъ дѣламъ и что оказывается искусственнымъ, поддерживается компромисами, является или совершенно безцѣльнымъ въ смыслѣ пользы дѣла или, что еще хуже, по самой своей природѣ идетъ въ разрѣзъ съ этой общей пользой дѣла.

Но прежде всего необходимо отвѣтить на первый и самый естественный вопросъ: почему же Мармонтъ и наши его послѣдователи находятъ полезнымъ считать свой полкъ первымъ въ своей арміи?

Что восклицанія въ родѣ: «Ахъ, это чудное, дивное чувство! Ахъ оно не только не мѣшаетъ единству, цѣльности арміи и солидарности въ ней, но оно совершенно тоже, что любовь къ Царю и Отечеству! Ахъ, мой полкъ! Ахъ, какъ можно говорить противъ этого!»—въ смыслѣ доказательствъ по вопросу относительно явленій военной жизни, о которыхъ возникъ споръ—полезны ли они

или же они ведутъ къ разъединенію арміи, къ возбужденію нами въ ней удѣльнаго соперничества?

Пусть оппоненты докажутъ на примѣрахъ изъ жизни или хотя бы теоретически (только не простымъ утвержденіемъ и восклицаніемъ), что мармонизмъ въ своемъ нормальномъ развитіи, а не въ болѣзненныхъ его уклоненіяхъ, не препятствуетъ, а, напротивъ, содѣйствуетъ упроченію въ арміи цѣльности, единства, солидарности. Я же утверждаю, что мармонизмъ именно въ своемъ нормальномъ развитіи, по самой своей идеѣ, обязательно и неизбежно ведетъ къ антагонизму между частями войскъ въ арміи, проявленіемъ соперничества и къ раздѣленію единой арміи на удѣлы.

Доказать это мнѣ не трудно именно обыденными явленіями жизни, легко объясняемыми психологіей отдѣльнаго человѣка—начальника и организованной толпы—части войска...

Въ кадетскихъ корпусахъ, военныхъ училищахъ мармонизмъ не практикуется, а потому тамъ нѣтъ тѣхъ насилій надъ чистой совѣстью офицеровъ, которыя практикуются въ частяхъ войскъ во имя мармонизма. Въ кадетскихъ корпусахъ и училищахъ—чистый неприкосновенный, неспорченный девизъ: «служба только Царю и Отечеству, а не личнымъ интересамъ».

Когда разбираютъ вакансіи, да и послѣ—на всю жизнь, достоинство полковъ оцѣниваютъ прежде всего по мѣсту стоянки, а затѣмъ по личности его командира; въ этомъ отношеніи мармонизмъ является пухомъ, незнаніемъ психологіи.

По психологіи армія, войско, т.-е. организованная толпа, должна быть однородна по возможности во всѣхъ отношеніяхъ, но главнымъ образомъ—въ расовомъ, одной опредѣленной и единственной цѣлью и задачей обученія и службы, общностью интересовъ, идеаловъ.

Отсюда ясно, что интересы, цѣль и задача—должны быть для арміи одни и тѣ же. Полки, составляющіе армію, должны быть *однородны*.

Ясно, что неравенство полковъ, раздѣленіе ихъ на аристократическіе и «гарнизы», а затѣмъ введеніе интересовъ цѣлей, задачъ полковыхъ—въ общеармейскіе, очевидно, будетъ мѣшать и однородности и солидарности.

Съ другой стороны, психологія говоритъ: толпа безлична и и принимаетъ (въ особенности организованная—т.-е. войсковая часть) обликъ своего вожака.

И вотъ появляется на сцену «честь» полка, по увѣренію ко-

мандировъ ихъ, обязывающихся ради нея иногда поступаться честью личной и пользой общей арміи.

Мало найдется людей, которые бы, положа руку на сердце, сказали, что они не слышали такой примѣрно фразы: «Господа, намъ предстоитъ смотрѣ... Здѣсь замѣшана честь нашей части... Ради этого необходимо поступиться своими взглядами и...» дальше слѣдуютъ разъясненія, какъ сдѣлать, чтобы оказаться лучше дѣйствительности, первыми; а что это даетъ ложное направленіе развитію дѣла, такъ вѣдь, «сначала наша часть», а потомъ *argés pour le deluge*... Дальше идетъ подъ гору: ad честь полка *gloriam*—разрѣшается и поднадуть и соврать и буравчикомъ мишени посверлить и подставить на смотры чужихъ людей, чужую мундирную одежду, вообще огромная цѣпь компромисовъ съ личной совѣстью.

Повторяю, что это не болѣзненные уклоненія, а нормальное слѣдствіе мармонизма и отличій. Не будь этого мармонизма, а будь у насъ въ ходу рекомендуемая психологіей солидарность, части стремились бы къ цѣлямъ, задачамъ, развитію общему арміи, сообщая другъ другу лучшіе способы достиженія боевой подготовки (вродѣ, напримѣръ, солидарности воспитательнаго персонала кадетскихъ корпусовъ, гдѣ собираются и обсуждаютъ лучшее достиженіе ихъ задачъ). Въ частяхъ же умъ и энергія работаютъ въ направленіи—чѣмъ бы выдѣлиться, удивить, поразить начальство и въ секретѣ большомъ держать отъ «солидарныхъ товарищей» придуманные смотровые трюки.

Хуже всего то, что, благодаря ad честь полка *gloriam*, установилась готтентотская мораль: «я у тебя укралъ для полка—очень хорошо; ты у меня укралъ—очень не хорошо». Считается очень не похвальнымъ, послушавшись голоса справедливости, воздать должное другой части ко вреду своей. Но за то страшно цѣнится вездѣ человекъ, съ которымъ полкъ на смотрахъ всегда окажется первымъ, «съ которымъ на смотрахъ не пропадешь, такъ какъ онъ всегда сумѣетъ не то что показать товаръ лицомъ, а скрыть прорухи и показать за 1-й сортъ...»

Но главное—все-таки нельзя найти отвѣта на вопросъ: зачѣмъ нуженъ, кромѣ общаго патріотизма и однородности арміи (обязательное требованіе военной психологін), какой то особый полковой патріотизмъ?

Вѣдь чувство недѣлимо и *культивированіе чувства любви къ частному—всегда идетъ въ ущербъ цѣлому и есть ненормальное уклоненіе.*

Любовь къ полку, при поощреніи, усиливаясь въ полковой шо-

винизмъ (вѣдь проповѣдуютъ, что ограничивать это чувство не надо), не можетъ не вліять въ плохую сторону на чувство ко всей арміи.

Что это правда—доказываетъ наша исторія примѣрами удѣльнаго періода, съ чѣмъ примѣры полкового патріотизма имѣютъ полную аналогію.

И часто удѣльные князья не для пользы старшаго князя и Руси шли на него ратью. А съ татарами дралась *не одна русская рать*, а вступившіе въ союзъ противъ общаго страшнаго врага—удѣлы.

Тоже будетъ у насъ и съ «отшлифованными полками и отдѣльными частями войскъ», если мы не перестанемъ воспитывать ихъ въ особомъ полковомъ патріотизмѣ, съ разнородными традиціями, честью, понятіями о домѣ, полковыми исторіями и пр. Будутъ драться полки (N стр. полкъ, «Варягъ» и т. д.), а не цѣлая армія. И дѣйствительно мы видимъ, что полки дерутся болѣе чѣмъ славно и въ единоборствѣ никакой полкъ въ мірѣ не сможетъ одолѣть нашихъ русскихъ дивныхъ полковъ; но развѣ не общій выводъ послѣ послѣдней войны, что въ соединеніяхъ бѣльшихъ полка,—мы уступали японцамъ? Значить дерутся полки, а не армія. И причина вовсе не умѣніе начальниковъ, а потому что интересы, любовь, традиціи, спайка, совершенствованіе подготовки—у насъ не арміи, а полка. Какъ было съ городами въ удѣльный періодъ, *идь любовь къ Новгороду, къ Пскову и къ др., перейдя свои естественные предѣлы, буквально замѣнила собою любовь къ отечеству и къ великому князю*. Притомъ до такой степени, что *воевали* со своими же войсками, посланными отъ великаго князя всея Руси...

Необходимо слѣдить за ходомъ эволюціи (развитія), которая преобразуетъ весь міръ, а въ томъ числѣ и способы веденія войны. И то, что годилось и можетъ быть нужно было раньше, теперь—непригодно. Раньше дрались единоборствомъ, отдѣльными парами богатырей, рыцарей; потомъ—полками, теперь—арміями. Слѣдовательно надо чтобы была армія съ однимъ духомъ, одними и тѣми же традиціями, одними и тѣми же *общими* (а не разными по полкамъ) героями-предками, *одной общей для всѣхъ своей исторіей* (а не *чужими* полковыми), общая единая и нераздѣльная семья—армія, отечество; единый, общій отецъ—царь нашъ. А не отдѣльныя семьи—полки и части войскъ, съ особыми традиціями.

Семья моя—вся армія и я не имѣю права различать своими привязанностями, любовью, симпатіями или антипатіями, тѣхъ или другихъ ея членовъ. Я лично и оговаривался: любовь къ своей части естественна, но какъ къ русской части, къ одному изъ членовъ

родной семьи, съ которой въ данное время живешь. Все равно, какъ будто я теперь у одного брата или сестры, а другія части войскъ— другіе братья или сестры, одинаково дорогіе, одинаково равноправные на славу предковъ, приче́мъ старшинство— не приче́мъ.

Въ этомъ случаѣ будетъ имѣть мѣсто лишь доброжелательное соревнованіе, т.-е. такое соревнованіе, гдѣ братья и сестры будутъ стараться обь одинаковомъ наивысшемъ успѣхѣ развитія каждаго, а не выдѣленіи, скрытомъ отличіи другъ передъ другомъ, т.-е.— злое соперничество за отличіе.

Затѣмъ еще разъ укажу на психологическую нецѣлесообразность мармонизма въ отношеніи полковъ.

Полкъ, какъ организованная, періодически перемѣнная толпа, характеризуется настоящими (по времени) вожаками и не можетъ наследовать ни традицій ни душевныхъ качествъ предшествовавшей организованной толпы, а все это получаетъ отъ вожаковъ. Недаромъ же нѣсколько сотъ-лѣтніе полки въ зависимости отъ вожака—льва или же вожака—барана оказывались героями или же—подавались паникѣ.

Не можетъ толпа, хотя и въ высшей степени организованная, какъ напри́мѣръ полкъ, сама по себѣ что нибудь *заслужить*, такъ какъ толпа не имѣетъ *ума и воли*, она только чувствуетъ. Поэтому заслуги могутъ быть только личныя—вожака.

Заслуги толпы, отличія толпы—психологическій абсурдъ, придуманный и поддерживаемый психологическими невѣждами.

Всѣ науки, искусства, вся культура, цивилизація, исторія—дѣлались и развивались не народами, какъ наивно увѣряютъ нынѣ многіе, а лицами и вожаками.

По этому исторія народовъ дѣлалась правителями этихъ народовъ. Тѣмъ болѣе полки сами по себѣ не отличаются и не дѣлаютъ своей исторіи; а потому полковыя исторіи—абсурдъ, такъ какъ полкъ не самостоятельно измѣняется, развивается, даже этого и вожакъ его не имѣетъ права, т.-е. не имѣетъ своихъ законовъ, обычаевъ. Какая же своя исторія?

Исторія русской арміи; сегодня 1-й полкъ, а завтра 1117-й. Исторія только вожаковъ его—командировъ, командаго состава и исторія проявленій индивидуальныхъ и расовыхъ особенностей въ отдѣльныхъ герояхъ (всетаки отдѣльныхъ лицъ русской арміи, независимо отъ номера полка, а отъ направленія вожака-командира и родовой и расовой наслѣдственности).

Въ третій разъ вопросъ: зачѣмъ же полковой шовинизмъ, традиціи, отличія, исторія?

Административное дѣленіе необходимо и нормально, но цѣль этого вовсе не созданіе удѣловъ съ особыми собственными традиціями, и даже претензіей на собственную, вопреки разума и возможности, исторію.

Вѣдь благодаря истинному льву—Невѣровскому, 27-я дивизія отличилась въ первыхъ числахъ августа 1812 г. (да и потомъ все время отличалась) такъ, какъ никогда, ни одна дивизія въ мірѣ не отличалась; по признанію самого Наполеона, она тогда измѣнила весь ходъ компаніи, можно сказать спасла отечество, но... полки этой дивизіи уже не тѣ по номеру и названію и дивизія 27-я не имѣетъ своихъ дивизионныхъ отличій...

Величайшій нашъ сердцевѣдъ-психологъ Суворовъ, никогда не проповѣдывалъ особаго полкового патриотизма, напротивъ училъ любить нераздѣльно Государя, какъ отца Отечества. («Бойтесь Бога, любите Государя, повинуйтесь начальникамъ, держитесь храбро и—все падетъ передъ вами»).

Не нужно размѣнивать свою любовь на мелочи: любовь къ полку; въ полку на любовь къ батальону и т. д. Надо учить, что служба въ любой части русской арміи одинаково служба Русскому Царю и Отечеству, одинаково почетна, одинаково славна, благодаря общимъ заслугамъ предковъ, подобно тому какъ всѣ христіане имѣютъ право на заслуги Христа, т.-е. Его искупительную жертву, (а не только Іудеи и Палестинцы).

Берегитесь, ради блага арміи учить, что въ «гарнизнѣ» служба, менѣе славна, чѣмъ въ (приписывающихъ себѣ однимъ славу общихъ русской арміи героевъ предковъ) старшихъ полкахъ. Берегитесь отвлеченія отъ общихъ интересовъ введеніемъ полковыхъ интересовъ.

Вѣдь предки не находили возможнымъ соблюдать и интересы царя и родины и интересы семейные, а жертвовали вторыми ради первыхъ, потому что никогда не возможно полное совпаденіе всѣхъ и во всемъ интересовъ общихъ и частныхъ.

Слѣдовательно не надо вводить новые полковые интересы, которые могутъ столкнуться съ общими интересами. Этого «могутъ» надо избѣгать.

Въ заключеніе считаю необходимымъ дословно процитировать маршала Мармона (его сочиненіе—«Сущность военныхъ учреждений»), изъ чего будетъ видно, что его проповѣдь только въ отношеніи дивизіи и полка психологически ошибочна, проповѣди же нашихъ полковыхъ шовинистовъ—совершенно непонятны.

«Развивать духъ арміи, вселить въ нее вѣру въ себя, возбуждать энтузіазмъ въ душѣ солдата, вотъ первая и главнѣйшая обязанность полководца.

Необходимо, чтобы въ душѣ каждаго солдата жила твердая увѣренность, что наша армія и ея начальникъ непобѣдимы, что его дивизія лучшая въ арміи, что его полкъ храбрѣйшій и доблестнѣйшій.

Такая вѣра въ себя удешевляетъ его силы и храбрость».

Отсюда простой вопросъ: *какимъ образомъ появится въ душѣ каждаго солдата необходимая увѣренность въ томъ, что его полкъ храбрѣйшій и доблестнѣйшій*, разъ высказывается громогласное возмущеніе, что какія то 10-лѣтнія гарнизы вдругъ смѣютъ думать о равенствѣ съ Петровскими и Екатерининскими полками?

Попробуйте же рѣшить эту дилемму.

Собственно и возстаю я не противъ цѣлаго цитированнаго ученія Мармона, такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія о необходимости внушенія каждому солдату, что «наша армія и ея начальникъ непобѣдимы»... (Это необходимо вѣзвать въ памяти всѣмъ нашимъ любителямъ вслухъ критиковать своихъ командующихъ...), а только противъ части его, о томъ, что «наша дивизія»... «нашъ полкъ» и т. д. такъ какъ *последнее убиваетъ первую увѣренность: если я буду считать свой полкъ, лучшимъ въ арміи, то ясно, что въ лучшемъ случаѣ только на него и буду надѣяться*, т.-е. что только этотъ нашъ полкъ можетъ драться, лучше другихъ, а другіе нѣтъ. И хотя бы каждый такъ думалъ про свой полкъ и всѣ дрались бы съ увѣренностью, что свой полкъ лучшій (хотя это, какъ и показываетъ дѣйствительность, невозможно при официальномъ закрѣпленіи правъ данныхъ полковъ на званіе лучшихъ, старыхъ боевыхъ и пр.), но тогда у каждаго не можетъ быть увѣренности за всю армію; «другіе полки не сумѣютъ такъ драться какъ мы», «мы вѣдь лучшіе въ арміи». Значитъ, если нашъ полкъ лучшій въ арміи, а не всѣ одинаково и равно славные геройскіе полки, ибо «мы русскіе»..., то вѣры въ непобѣдимость всей арміи не можетъ быть: она убита уже тѣмъ, что «мы лучшіе», а тамъ—«какая то гарниз», которая какъ будто не «мы русскіе», а изъ другого матеріала. .

Невозможно совмѣстить увѣренности, что «нашъ полкъ лучшій» съ увѣренностью, что наша армія одинаково непобѣдима.

Подъ конецъ самый сильный доводъ.

Это выводъ психологіи изъ анализа явленія общественной жизни за тысячелѣтія: *армія (всякое общество) можетъ существовать только тогда, когда обладаетъ общими чувствами* (какъ напримѣръ въ 1612, 1613 и 1812 годахъ) и, въ особенности, общими

идеаломъ, способнымъ создавать правила нравственности, воинской доблести, боевыя традиціи, признаваемыя всѣми его членами. Безъ общаго идеала армія, да и народъ—не долговѣчны (исторія показываетъ).

А потому, если мы хотимъ имѣть армію, а не извѣстное число различающихся по своему духу, по традиціямъ, по нравственности, по идеалу полковъ, то должны признать и учить, что всѣ полки одинаково и одновременно комплектуются русскими подданными русскаго Императора и только поэтому они непобѣдимы, только поэтому они лучше въ мірѣ. Разъ—русскій полкъ, значитъ лучший, ибо для всѣхъ русскихъ—всѣ русскіе герои, начиная съ IX столѣтія, суть предки; всѣ русскіе—потомки всѣхъ этихъ русскихъ героевъ.

И болѣе чѣмъ антивоспитательны нерѣдкіе приказы о томъ, что «нашъ» полкъ—не какойнибудь тамъ «гарнизонный» или еще «необстрѣлянный», такъ какъ подобныя приказы и внушенія убиваютъ увѣренность въ непобѣдимости русской арміи.

Начинается ровно ни на чемъ не основанное ученіе о томъ, что не всѣ русскіе полки надежны, а только старые, вѣковые; и послѣднихъ называютъ боевыми, прославленными, хотя можетъ быть никто изъ чиновъ этихъ старыхъ боевыхъ полковъ еще никогда не былъ въ бою.

Надо бы напротивъ учить, что *всѣ полки въ русской арміи непобѣдимы, славны, независимо отъ числа лѣтъ ихъ существованія и независимо отъ мѣста стоянки: въ гарнизѣ или столицѣ.*

Надо напоминать о дивизіи Невѣровскаго; дивизіи, совершившей міровое чудо военной доблести; а вѣдь это были только что сформированные въ Москвѣ полки изъ новобранцевъ. Но такъ какъ—русскіе, то—«чудо-богатыри», «съ нами Богъ», и—«слава, слава, слава!»... А не благодаря полковымъ отличіямъ, традиціямъ и превозношенію надъ товарищами въ «гарнизѣ»... Одно такое слово уже характеризуетъ «доброе» товарищество, солидарность между полками единой (!?) русской арміи.

А. Дмитревскій.

